

Моляко В. А. (г. Киев)

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ЧЕРНОБЫЛЬСКОЙ КАТАСТРОФЫ

В связи с 25-летней годовщиной Чернобыльской катастрофы публикуем ряд статей, прямо связанных с психологическим анализом этого события, которое к тому же конкретным образом проецируется на цикл недавних атомных аварий в Японии.

Проаналізовано психологічні наслідки Чорнобильської атомної катастрофи (ЧАК). Розглядається генезис загальних уявлень, розуміння та інтерпретація про ЧАК у різних осіб (здебільшого жителів кийвського регіону) в умовах дефіциту інформації та її викривлення (чутки, дезінформація), особливості становлення інтегрального образу про наслідки катастрофи (скорочено «Ч-образ»), формування «постчорнобильського мислення» як нового типу сучасного екологічного мислення. Здійснюється спроба виявлення психологічних типів реагування на ЧАК.

Розглядаються деякі характеристики «звичайної» паніки – її масштаби, глибина охоплення, тривалість, деструктивні наслідки. Аналізуються прояви унікальної післячорнобильської паніки як безперервної і яка має переважно приховану форму перебігу.

***Ключові слова:** Чорнобильська атомна катастрофа (ЧАК), страх, тривожність, радіація, прихована паніка, прийняття рішення, типи реагування, постчорнобильське мислення, чорнобильський синдром.*

Сегодня уже для многих, очевидно, что чернобыльская трагедия имеет поистине всемирный масштаб, а все ее последствия пока еще даже трудно представить. Мы являемся свидетелями грандиозного апокалиптического эксперимента (слово “апокалиптический” здесь употреблено не случайно – сразу после случившегося стали цитировать из “Откровения Иоанна Богослова” предсказание о падении звезды “Полынь”, а полынь по-украински – это и есть “Чернобыль” [13]). Нам надлежит наряду с биологическими, физиологическими, медицинскими попробовать разобраться и в психологических последствиях Чернобыльской катастрофы.

В статье в сжатом виде приводятся некоторые результаты предварительного анализа непосредственных и отсроченных психологических реакций на ЧАК. Данные получены путем включенного наблюдения, бесед, анализа публикаций, передач радио и телевидения и др. В нашем распоряжении имеются свидетельства лиц различных возрастов, специальностей, степени затронутости катастрофой. Это – школьники, студенты, рабочие, военнослужащие, научные работники, врачи и др. (Киев; Киевская, Запорожская, Полтавская, Житомирская, Тернопольская, Львовская, Одесская обл.; Ленинград, Москва, Прага и др.). Среди опрошенных непосредственные участники ликвидации последствий катастрофы, жители близлежащих (30-километровая зона) и более отдаленных от Чернобыля мест, а также те, кто черпал сведения о случившемся лишь из сообщений средств массовой информации и по слухам. Здесь мы используем в основном материалы, полученные при обследовании жителей Киева.

Специфический материал анализа и уникальность самого события исключали возможность использования стандартизированных методик, а масштабы случившегося заставляли пренебречь модернизированной технологией и попытаться хотя бы в первом приближении рассмотреть реальные и предполагаемые психологические последствия Чернобыля. Тем более, что реабилитационная деятельность по ликвидации именно психологических последствий катастрофы

еще по-настоящему не начата, а в ряде случаев мы имеем дело с вопиющим проявлением равнодушия тех, кто должен был решать послечернобыльские проблемы [3, 6, 10, 19, 23 и др.].

ОБЩАЯ КАРТИНА ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ПОСЛЕДСТВИЙ ЧАК И ФЕНОМЕН НЕПРЕРЫВНОЙ ПАНИКИ

Чернобыльская катастрофа признана крупнейшей за всю историю человечества, она повлекла и повлечет за собой тяжелейшие последствия [3, 15, 23, 24]. По сути, у нас есть основания говорить о растянутом во времени своеобразном атомном геноциде, который может превзойти последствия всех вместе взятых катастроф. Белоруссия, Украина, некоторые области России оказались зонами, где на разном уровне протекает крупнейшее в истории человечества экологическое бедствие. Здесь нет смысла приводить уже достаточно хорошо известные “технические” подробности случившегося – они многократно описаны в прессе, специальных изданиях [4, 21, 22]. Нас интересуют собственно психологические моменты.

Взрыв произошел в ночь с 25 на 26 апреля 1986 г. В первые несколько дней информация о случившемся была крайне скупой, неопределенной или неадекватной как у нас в стране, так и за рубежом. Наиболее полными данными об аварии располагали лишь те, кто находился непосредственно в районе АЭС, некоторые руководители в Москве, да и они не обладали достаточной и верной информацией [3, 6, 11, 24]. Это короткое время – период скрытого накопления информации о катастрофе.

В первые дни мая в связи с активизацией зарубежных средств информации, прорвавшимися свидетельствами очевидцев, началом эвакуации неконтролируемые сведения достигают Киева и некоторых других центров (в том числе отдаленных – Москвы, Ленинграда, Тбилиси и т. д.). Именно 4-10 мая происходит своего рода информационный взрыв, приведший к первой волне явной паники, эпицентром которой стал Киев, что обусловлено и его непосредственной близостью к аварии, и масштабами города, и относительно большой информированностью людей по неофициальным каналам. Паника сопровождается массовым выездом, практически нерегулируемым официально. С 10 по 15 мая самодеятельный выезд в основном прекратился.

В этот период совершаются неуклюжие и неадекватные официальные акции по успокоению населения – радиопередачи, публикации содержат оптимистические и достаточно абстрактные сведения. Выступления официальных лиц не способствуют успокоению людей [6, 11, 19, 24]. Вторая половина мая – это уже период санкционированного отъезда детей, своего рода растянутая эвакуация, причем удручало то, что было принято решение об отъезде учащихся 17-х классов, а дошкольники и старшекласники оставались вне “поля зрения”. В этот период (июнь) напряжение достигает второго пика, переходящего в своего рода плато. Отсутствие информации, которая пользовалась бы достаточным доверием, продолжающееся распространение слухов – все это способствовало поддержанию состояния непрерывной паники в ее второй фазе – скрытой, менее выраженной вовне [19, 24].

Поскольку многие считали, что воздействие радиации наихудшим образом отразится именно на детях, а дети в большинстве своем летом разъехались – в летние месяцы в Киеве наблюдалось сравнительное спокойствие. Это был период первой временной адаптации к ЧАК, несколько менее насыщенный опасениями немедленных тяжелых последствий, но отнюдь не свободный от них – все помнили о трех блоках АЭС, о том, что разрушенный четвертый блок все еще не укрощен, а разговоры о его разборке, замуровывании или даже взрыве продолжались и, разумеется, не проходили бесследно. Это был также и период накопления в основном негативной информации в новых формах, в новых диапазонах [19].

С наступлением сентября, когда дети вернулись в город, началась новая волна беспокойства. Вопреки “успокаивающей” информации прессы и радио большинство были склонны трактовать обстановку как явно неблагоприятную. Люди решали эту проблему, как могли – мало кому, была оказана какая-либо помощь извне. Осень 1986 г. – снова сочетание надежды, паники, поиска выхода из положения на длительное время или навсегда. Расширение научно обоснованной информации способствовало рассеиванию иллюзий. Хотя осуществлялась частичная

дезактивация, велись репортажи с места событий, возводился “саркофаг” – люди все более и более погружались в состояние не столь активной, как в мае, но явной паники [19, 24].

Примерно с этого момента и до настоящего времени значительное число людей чувствуют себя неуверенно, подавленно, тревожно. Эти чувства оттесняются повседневными заботами, ухудшившимся бытом, общими условиями жизни, но все это лишь усугубляет положение. Многие охвачены страхом, непрерывной паникой. Это состояние некоторые медицинские (!) и административные чиновники цинично определили как “радиофобию” [6, 19, 23, 24]. Я считаю, что истинное положение и сейчас гораздо более тяжелое, чем это можно было бы предположить, ориентируясь на официальные сведения; впрочем, ряд последних материалов, в частности о положении в близких к зоне районах Белоруссии, Украины, не оставляют на сей счет никаких иллюзий [15, 23].

Фактически мы имеем на сегодня дело со своего рода психологическими зонами по характеру проявления отношения к ЧАК в целом. Эти зоны в определенной мере совпадают с зонами радиоактивного загрязнения, насколько о нем можно судить по опубликованным данным и картам заражения:

- зона отчаяния (наиболее пострадавшие районы Киевской, Житомирской областей, ряда областей Белоруссии);

- зона непрерывной скрытой паники (Киевская обл., включающая Киев, Житомирская, Черниговская, Ровенская, отдельные районы Украины, почти вся Белоруссия, часть Брянской области РСФСР);

- зона повышенной тревожности (вся Украина и Белоруссия, прилегающие к ним области РСФСР, районы, где имеются АЭС);

- зона настороженности (европейская часть СССР, Казахстан, некоторые области азиатской части СССР, связанные с атомными авариями, по-видимому, те страны Европы, где отмечалось сколько-нибудь существенное увеличение радиации после ЧАК);

- зоны эпизодически возникающей озабоченности (весь остальной мир). Такое деление по зонам носит отчасти условный характер и не претендует на строгое очерчивание “географических границ” переживаний и тревог.

Здесь мы имеем дело, естественно, уже с проблемой понимания, интерпретации происшедшего и субъективными возможностями оценки, анализа ЧАК.

ГЕНЕЗИС ПОНИМАНИЯ ЧЕРНОБЫЛЬСКОЙ КАТАСТРОФЫ И ФОРМИРОВАНИЕ “ПОСТЧЕРНОБЫЛЬСКОГО МЫШЛЕНИЯ”

Рассматривая вопрос о понимании ЧАК и ее последствий, исследуя его генезис, мы основываемся на тех концепциях понимания, которые приняты в нашей психологии, в частности на следующих положениях работ Г. С. Костюка [9]: понимание и интерпретация случившегося зависят от количества информации о событии, от уровня специальных и общих знаний, степени подверженности слухам, от возраста, рода занятий, от способностей субъекта к воображению последствий и т. д. Степень понимания может быть различной по полноте и глубине (понимание, недопонимание, непонимание, неправильное понимание).

Очевидно, можно говорить о генезисе понимания ЧАК, прошедшем ряд фаз, связанных с указанными ранее периодами, вполне конкретными событиями (прекращение пожара на АЭС, выполнение частичной дезактивации, возвелось укрытия для аварийного блока – “саркофага” и т. д.). Эти периоды мы определили следующим образом:

I – недопонимание и непонимание случившегося;

II – гипертрофированная интерпретация случившегося;

III – понимание на уровне доступной информации (ее новых доз);

IV – стабилизация понимания;

V – “пульсирующая” интерпретация, обусловленная новыми соображениями, слухами, научными прогнозами и т. п.

Нетрудно увидеть, что нет смысла говорить о полной автономии каждого и периодов или об их изживании. Как это будет показано на конкретных примерах, своеобразный “конгломерат” их возник с первых дней после аварии и остается таковым сегодня.

Первый период (26 апреля – 3-5 мая). Первые сообщения об аварии были предельно краткими, по объему вполне сравнимыми с японскими хокку. Поэтому неудивительно, что большинство людей, в том числе в Киеве, не придали им особого значения. Вот типичная картина тех дней: “Очень многие люди, проводившие выходные дни (26-27 апреля. – В. М.) в районах, севернее Киева, у Киевского моря, со второй половины дня и до глубокой ночи не могли добраться домой: редкие автобусы ходили вне всякого графика, иногда с интервалами в 1-2 часа. Из Киева на большой скорости проследовали колонны армейских машин. Один из дачников, уже ночью, подобранный частными “Жигулями”, спросил водителя: “Это что у вас, учения проводятся?”. “Да, что-то в этом роде”, – ответил тот, но поддерживать разговор не стал. Этой же ночью одной молодой женщине, чьи родители проживают в США (г. Балтимор), позвонила оттуда мать и сказала: “...У вас какая-то страшная авария произошла. Я еще не знаю подробностей, но сидите, дома и ребенка от себя не отпускайте”. Женщина не послушалась совета матери, посчитав, что на Западе запускают очередную провокационную “утку”, и в понедельник утром, как всегда, отвела дочку в садик и отправилась на работу” [19, с. 206].

Как видим, совершенно неадекватно реагировали на аварию даже те, кто получил более серьезную, чем в газетах и по радио, краткую информацию. Здесь необходимо учитывать полную неподготовленность подавляющего числа людей (иногда даже специалистов!) к адекватной оценке случившегося. Как говорил нам один военнослужащий, связанный с системой гражданской обороны, мы были больше готовы даже к атомной войне, чем к “мирной атомной аварии”.

Понятно, что главной и единственной причиной пассивного реагирования на ЧАК было отсутствие какой-либо серьезной информации. К тому же сильным отвлекающим средством явилось празднование Первого мая. Еще одним таким фактором оказался матч киевского “Динамо” на Кубок европейских кубков вечером 2 мая. Очень многие (разумеется, не только киевляне) видели в этом матче более существенное событие, чем “какая-то авария”.

Таким образом, ни союзное, ни республиканское правительство, ни партийные органы, ни гражданская оборона, ни представители медицины – никто не выступил хотя бы с элементарными предупреждениями и разъяснениями, которые были бы уместными даже в гораздо более простых ситуациях.

Именно поэтому результат первого периода – полная недооценка ЧАК и возникающей опасности.

Второй период (начало мая-июнь 1986 г.) начался 2-3-го мая, но по-настоящему “разразился” 5-10-го. Несмотря на тщательное сокрытие информации, многие узнавали о том, что в район Чернобыля отправлены и отправляются войска, милиция, что оттуда выселяют людей; после Первомайских праздников, отвлекших внимание от аварии, люди начали обмениваться сведениями о Чернобыле, кое-кто слушал зарубежное радио, были и частые звонки из-за границы. Естественно, узнали и о том, что кое-кто уже уехал сам или вывез родственников из Киева, и таких было не так уж мало. Между тем отсутствие официальных сообщений лишь усугубляло положение.

Началась настоящая классическая паника. Ее основным признаком в этот период было стремление к бегству: многие, даже не располагая сколько-нибудь точными сведениями, решили если не уехать самим, то хотя бы отправить своих детей, кто куда может. Вокзал и аэропорты мгновенно переполнились. Люди уезжали даже не по прямым направлениям, а с какими-то пересадками, окружными путями и т. д. Все это сопровождалось очень тяжелыми сценами [6, 19]. Фрагмент рассказа командированного инженера из Москвы: “Мы в Москве кое-что слышали об аварии, но так – между прочим, это приняли. То, что я увидел, только ступив на вокзал, меня буквально потрясло. Давка, дикие лица, плач, ругательства. Особенно жуткой была драка инвалидов с инвалидами возле одной из касс. Я не предполагал, что когда-нибудь такое увижу!

Полная невменяемость, никакого намека на самые простые человеческие формы поведения. Я эту картину никогда не забуду”.

Таких картин было много, но справедливости ради нужно признать, что в целом город не попал во всеобщую стихию паники – работали все учреждения, магазины, поликлиники, заводы и т. д. Увы, работали также школы и другие учебные заведения. Более того, было отдано распоряжение никого никуда не отпускать – ни детей из школы, ни людей с работы (первые два дня, 4-го и 5-го мая, еще отпускали, потом, очевидно, власти приняли другое решение, неизвестно чем продиктованное) [19, 24].

Стали распространяться самые разнообразные слухи – от вполне правдоподобных (потом оказывалось, что и правдивых), до самых фантастических, о гибели большого числа людей, о способах самолечения алкоголем и пр. Анализ ситуации в этот период показывает, что часть людей (по очень приблизительному подсчету, около четверти опрошенных и наблюдаемых), находилась в эти дни в состоянии достаточно сильной паники, что выражалось в: 1) неадекватной оценке ситуации, преувеличении сиюминутной опасности, стремлении спастись бегством; 2) повышенной суетливости, хаотизме поведения или, наоборот, заторможенности; 3) падении дисциплины, работоспособности; 4) поисках успокаивающих средств (лекарств, алкоголя); 5) жажде получения информации – повышенный интерес ко всем слухам, сообщениям и т. д. Небольшая часть населения была неадекватно равнодушной к происходящему, а основная масса пребывала в состоянии внешне относительного спокойствия, сохраняя главные особенности “обычного” поведения.

Основной признак интерпретации случившегося в этот период: гипертрофированная оценка сведений об аварии. В данном случае преобладала гипертрофия представлений о немедленном воздействии радиации (более того: речь шла о возможном взрыве АЭС и полном уничтожении Киева и других мест, находящихся в относительной близости от станции). Кроме того, следует сказать о характере гипертрофии оценок: некоторые казавшиеся тогда гипертрофированными оценки стали вполне “нормальными” по прошествии более или менее длительного времени.

Третий период генезиса понимания ЧАК связан с расширением официальных сведений, хотя некоторая очень скудная информация поступала (в основном краткие рекомендации и выступления представителей Минздрава УССР по радио сугубо “розового” характера) и раньше, однако здесь своего рода переломным моментом явилось выступление М. С. Горбачева по Всесоюзному телевидению 14 мая 1986 г. Выступление во многом сильно запоздало (почти на 20 дней!), но оно было достаточно успокоительным, содержало ряд не совсем важных для пострадавших моментов чисто политического плана, в нем впервые на высоком уровне давалась общая более или менее адекватная оценка случившегося, содержалась достаточно тревожная правда о масштабах аварии. Начинаются регулярные репортажи из района аварии, публикуются другие материалы [4, 6, 19, 21]. Все это, безусловно, способствовало лучшему пониманию случившегося распространению среди неспециалистов (“народа”) более научных и объективных сведений. Конечно, сохраняется своеобразный “фон отношения” и случившемуся, т.е. уже выработаны определенные установки, диспозиции (в их формировании большую роль сыграли неофициальные сведения). Это – фаза переплетений информации по официальным и неофициальным каналам, а в связи с этим и переплетения оценок, формирование образа событий с привнесением каждым своих субъективных представлений, знаний с учетом возможностей конкретного интеллекта и воображения. Именно поэтому для рассматриваемого периода характерны резко противоречивые оценки даже среди лиц, достаточно однородных по профессии, возрасту и общему уровню развития: “Нас держат в полном неведении. Я совершенно не верю официальным сообщениям. Врачам даны указания не распространяться о радиации. Те, кто работает с зараженными, дают подписки. Диагнозы извращаются. Книжки учета больных сдаются в спецчасть” (врач Д. С.).

“Ничего особенного не произошло. Это все паника и об этом достаточно четко сказано уже не раз. Никаких особых больных нет. Больные как всегда. Кто-то просто заинтересован в распространении слухов” (врач М. Г.).

В это время – примерно до конца 1986 г., когда был закончен “саркофаг” и большая часть людей вернулась обратно в Киев и некоторые другие населенные пункты, – представление об атомной опасности “скачет”, меняется каждый раз под влиянием очередной дозы информации; средняя подверженность “заражению” этой информацией все еще достаточно высокая. Каждая телепередача, публикация, рассказ очевидцев – новый всплеск паники или надежды, подъем или спад настроения. В один и тот же день мнение о последствиях ЧАК меняется на противоположное, причем это случается неоднократно.

Четвертый период генезиса представлений о последствиях ЧАК начинается примерно с указанного момента “захоронения”, укрытия взорвавшегося блока АЭС. Разумеется, в определенной степени все это условно, поскольку одна из особенностей воздействия радиации (кроме случаев сверхмощного облучения) связана с ее невидимым, относительно растянутым во времени характером. Большинство людей, не видевших ни самой аварии, ни тушения пожара, ни тех, кто погиб сразу или несколько позднее, будучи сориентированными по кинопредставлениям о жизни и смерти, не разбираясь достаточно в области радиобиологии, успокаивались. Наступал период стабилизации представлений, их ретушировки своего рода монотонной информацией, спокойным освещением (в большинстве своем) случившегося и его последствий. Сказывается, разумеется, и психологическая усталость людей: с апреля-мая они находились в состоянии весьма сильного напряжения, даже перенапряжения, когда можно было говорить вполне оправданно о длительном стрессе, переживании состояния безвыходности, незащищенности, даже обреченности. Поэтому стабилизация представлений – вовсе не их улучшение, но изменение мнения об опасности воздействия вырвавшейся наружу радиации, скорее, это выработка определенного иммунитета к воздействию новых и повторяющихся старых информации о Чернобыле. Наиболее четко, по-моему, это выражено в следующем рассуждении:

“Чернобыль никуда не исчез, но жить-то нужно. Никуда деться. Нужно работать, зарабатывать деньги, кормить своих близких. Мы никому не нужны со своими бедами и опасениями. И нельзя же все время об этом думать. Так просто можно сойти с ума. Нужно отвлекаться” (кибернетик С. М.).

Осознание необходимости преодоления паники, депрессии – это признак, в общем-то, нормальной реакции на случившееся независимо от его объективных признаков. Инстинкт самосохранения, безусловно, срабатывал, и подавляющее большинство тех, кто метался между “быть и не быть”, “уезжать – оставаться”, и т.п., начинало строить новую стратегию жизни – жизни в условиях происшедшей катастрофы, когда нет возможности сколько-нибудь существенно от этих последствий уклониться. Даже представления о том, что Киев – это “град обреченный”, ничего, по сути, не меняло, потому что ничего нельзя изменить, и разум вынужден был с этим, если и не до конца, то в значительной степени примириться. Даже у достаточно информированных людей представление об опасности, скорее всего, вытеснялось в сферу подсознания, а некоторые, как это видно из вышеприведенного рассуждения, вытесняли эти представления сознательно, целенаправленно. В беседе один крупный ученый говорил: “Обыкновенный человек не может ежечасно ходить по битому стеклу. Это доступно только йогам. Точно так же невозможно жить, все время, думая о Чернобыле, невыносимо. Хотя я и плохо себе представляю, что будет с нами, если мы о Чернобыле вдруг забудем. Человек слишком слаб психически, чтобы представить, как выйти из сложившейся ситуации. Поэтому пусть вас не удивляет, что большинство вроде бы забыли об опасности. Это, конечно, реакция страуса, но она просто многим необходима” (1989 г.).

Здесь я должен хотя бы предельно кратко сказать и о роли юмора в преодолении тревожности, отчаяния, паники как эффективного психологического средства самозащиты. Вообще-то отдельные всплески “черного юмора” отмечались еще во втором периоде, но тогда он был все же менее распространен, далеко не все могли позволить себе улыбнуться чьим-то страшноватым шуткам. А в этот период и “черный”, и обычный юмор получает более широкое распространение. Это тоже поиск ниши спасения [19, 24].

Таким образом, своего рода адаптация к негативной информации и защитная реакция способствовали выработке следующей точки зрения: если ничего нельзя изменить, то лучше жить более спокойно. Это фаза приглушения апокалипсических видений и вхождения в работу при новых, теперь уже постоянных радиационных факторах.

Этот период длился с конца 1986 по 1989 г.

А затем начался и продолжается до сих пор пятый период развития наших представлений о последствиях катастрофы в Чернобыле – фаза “жизни и умирания с ЧАЭС в обнимку”, как выразился один из наших собеседников, период очень длительный. Для него характерно более возвышенное и устоявшееся, с одной стороны, отношение ко всему происходящему; а с другой – воздействие новых, порой чрезвычайно существенных доз отрицательной информации; поэтому я и назвал его периодом “пульсирующих интерпретаций” – всякий раз, когда у нас появляются новые сведения, мы то вновь возбуждаемся, то впадаем в депрессию, то немного отходим, как правило, ненадолго. Каковы оценки теперешней ситуации в областях, близких к Чернобылю? Они во многом связаны с тем, более мрачным прогнозом, который начал преобладать с 1989 г. и существенно распространился в течение 1990 г.

Появилось довольно большое число публикаций, радиопередач, телепрограмм, в которых речь идет о невыселенных из близкой к 30-километровой зоне жителях, о недостатке чистых продуктов, повышении заболеваемости среди населения, росте смертности, о часто равнодушном отношении местных и высших властей к пострадавшим, в том числе к тем, кто принимал участие в ликвидации последствий ЧАК [2, 5, 6, 15, 23 и др.].

Сейчас можно выделить четыре основные оценки положения.

“Здесь жить нельзя”. Те, кто так считает, полагают, что необходимо уезжать, что зараженность территорий гораздо более сильная, чем об этом говорилось и даже говорится в самое последнее время, что нет перспектив в ближайшие годы получить соответствующие продукты, что никто не проявит о людях должной заботы.

“Придется жить здесь”, поэтому нужно максимально заботиться о воде, продуктах, как можно чаще и надолго уезжать из Киева хотя бы летом, а детям – на все каникулы, необходимо принимать адсорбенты, другие полезные вещества.

“Сейчас везде одинаково”. Те, кто высказывает это мнение, считают: “Там национальная рензя, там химия, там землетрясения, там голод. Из всех зол придется выбирать свое – оно привычное. И кто толком может сказать, как еще оно будет с этой радиацией. Может, и не так страшен черт, как его рисуют”.

“Можно существовать” в условиях незначительной радиации (эта категория считает, что именно такая в Киеве). Есть, конечно, места, где действительно радиация повышенная. А здесь жить можно. В октябре-декабре 1990 г. я провел опрос киевлян (234 чел.); всем им задавался лишь один вопрос: “Какова, по вашему мнению, радиационная обстановка в Киеве сейчас?”. Их ответы показали, что распределение представлений в соответствии с только что приведенными интерпретациями следующее: I – 12%, II – 28%, III – 34%, IV – 22% (примерно 5% не дали ответа). Нельзя, разумеется, утверждать, что эта картина точно отражает положение в том же Киеве, но думаю, что при более массовом опросе она не претерпит принципиальных изменений. Хочу обратить внимание еще на один фактор оценки положения – “географический”. В 1988-1990 г (по январь 1991 г. включительно) не киевлянам (Москва, Львовская, Тернопольская, Запорожская области и приезжие из других областей УССР и республик) в числе других был задан вопрос: “Можно ли, по вашему мнению, жить в Киеве?”. Всего было опрошено 162 чел. Распределение по указанным группам было следующим: I – 3%, II – 10%, III – 46%, IV – 40%. Как видим, уровень оптимизма (или фатализма?) значительно повышается с удалением от районов Чернобыля.

Завершая этот краткий обзор генезиса понимания Чернобыльской катастрофы и ее последствий, мы можем констатировать, что он связан с общей специальной информированностью людей о случившемся, о воздействии радиации, проникновении радионуклидов в организм, с профессиональными знаниями, “географией” – местом жизни, с

мерами, принимаемыми по ликвидации более отдаленных последствий аварии, а также со специфическими особенностями мышления, мировоззрения, “личной философией” каждого опрошенного.

В целом же масштабы происшедшего, огромная опасность, которая, как теперь уже все более и более признается не только узким кругом специалистов, но и все более широкой общественностью страны и всего мира, влияние повседневного труда и быта – все это, по моему глубокому убеждению, способствовало и способствует формированию нового постчернобыльского мышления. Это разновидность экологического мышления, основывающегося на понимании опасности, порожденной развитием промышленности, неумением или нежеланием проявлять заботу об окружающей среде, среде обывденного существования, на представлениях о возможных катастрофах, вызывающих гибель огромных масс людей или даже всего человечества.

Что наиболее характерно для “постчернобыльского мышления”? Прежде всего, здесь следует говорить о доминировании целостного образа самой аварии, особенностей распространения радиации и ее опасности. Это образ комбинированный – в нем наличествуют и зрительные компоненты, и понятийные, он в каждом отдельном случае в определенной мере окрашен в эмоциональные тона в зависимости от причастности субъекта к последствиям ЧАК. В данном случае, по-видимому, можно говорить об интеграционном “Ч-образе” как существенно влияющем на мышление в целом, на интеллектуальное и общее поведение человека, поскольку и сам этот образ, и возникающие в связи с ним мощные пласты ассоциаций формируют и деформируют выработку представлений о жизнедеятельности, своем поведении и поведении других, в конце концов о смысле жизни.

Ведь “Ч-образ” – это поправочный коэффициент, который входит в систему принятия решений, оценок, выбора тактик и стратегий поведения, профессиональной деятельности (в ряде профессий, например, “Ч-образ” ныне – это общий фон повседневной жизни, скажем, у работающих в зонах медиков, атомщиков, военнослужащих, вообще проживающих там и поблизости в селах и городах).

Поэтому, мы имеем основания говорить о “Ч-образе” как системообразующем факторе. Тем более, что данный образ имеет весьма значимый эмоционально-волевой “подтекст” в самом широком смысле. Как будет показано ниже, в зависимости от особенностей реагирования на ЧАК для каждого человека соответствующим образом предопределяется выбор целей, формируется система ценностных ориентации, субъективных предпочтений, стратегий проектирования личной жизни и др. То есть фактически мы можем говорить о своего рода предопределении человеком индивидуального стиля жизни и деятельности.

ОСНОВНЫЕ ТИПЫ РЕАГИРОВАНИЯ НА ЧЕРНОБЫЛЬСКУЮ КАТАСТРОФУ

Сказанное выше показывает, что реагирование людей на ЧАК, как и следовало ожидать, было различным не только в связи с уровнем знаний о случившемся. На поведение, на принятие решений каждым отдельным человеком влияли и его индивидуальные особенности. Трудно, разумеется, представить кого-либо, за исключением лиц с неадекватными реакциями, больных и т. п., кто бы никак не отреагировал на столь страшное событие. Особенности этих реакций представляют немалый практический интерес, в частности, для изучения и прогнозирования поведения в аварийных ситуациях, в состоянии паники и пр.; тем более что таких исследований у нас очень мало (о панике единственная работа А. С. Прангишвили [16]). Вероятность не только “маленьких”, но, к сожалению, и больших аварий, катастроф не уменьшается (катастрофа с теплоходом “Адмирал Нахимов”, железнодорожная катастрофа под Уфой, десятки менее масштабных аварий).

В данном разделе сделана попытка проанализировать реакцию “обычных людей” на ЧАК. При этом мы ориентировались на разработанную нами концепцию реагирования на затрудняющие деятельность условия [12], взяв за основу положение о шести группах реагирования как гипотетическое в случае с ЧАК. Можно считать, что эти типы реагирования во многом совпадают с

ранее выделенными шестью типами. В данном случае о характере поведения конкретного человека мы судили по его описанию своих действий, по выполнению (невыполнению) им основной работы, принятию важных решений, по длительности переживаний и др. Рассмотрим каждый из этих типов.

I тип – индифферентный. К нему относятся те, кто практически не проявил сколько-нибудь серьезной реакции, не изменил своего поведения, продолжая жить и работать так, как и до аварии. Он имеет разновидности. Если не считать тех, кто просто был недостаточно осведомлен, не проявил интереса к случившемуся (были и такие!), то это будут в основном две категории: мы их назвали “философы-фаталисты” и “стабильные флегматики”. Первые просто считали, что “чему суждено быть, того не миновать” (среди них много верующих, воспринимающих ЧАК как кару и связывающих избавление от ее воздействия с волей Божьей). “Нет никакого смысла метаться – если мы получили большую дозу, то ее уже не вывести, а если нет, то тем более нечего мельтешить” (биолог Д. А.). Другие – это в целом спокойные люди, которых ничего не может вывести из себя. Сюда же следует отнести и некоторых лиц с пониженными умственными способностями.

II тип – “мобилизующийся” (парадоксальный). Те, кто под влиянием информации об аварии повысил свою активность, улучшил показатели в деятельности, активнее искал выход из сложившейся ситуации, забывая обо всем второстепенном.

Представители этого типа проявляют постоянную активность именно тогда, когда имеются основания для серьезных опасений, когда они убеждены, что действительно нужно действовать. Принятие решения о действиях они осуществляют на основании значимой для них информации, впрочем, можно сказать, что это касается и большинства остальных. Это важный момент в том смысле, что здесь можно предполагать “включение мобилизующих механизмов” не только у представителей этого типа. Но основной особенностью именно “парадоксалистов” является то, что они становятся максимально активными и деятельными именно при наличии затруднений, в экстремальных условиях. Инженер С. Ч. отмечает: “Для меня было важно мнение хороших специалистов, Когда один из них объяснил мне серьезность положения, я сразу же решил: необходимо уезжать немедленно. На машине товарища мы вывезли наши семьи сначала в Черкассы, а потом в Крым. В июне присоединились к ним, буквально вырвав отпуска раньше времени”.

III тип – “депрессивный”. К нему относятся люди, замедляющие свою деятельность, снижающие активность под влиянием отрицательной информации. Они более скованы в решениях, долго размышляют и мало действуют, неадекватно реагируют на последующие, по их мнению, малозначимые сообщения и т. е. Преподавательница вуза Л. Д. говорит: “Сообщение о серьезности аварии буквально сковало меня, загипнотизировало. Я начала жить, как в полусне. Сама не могла ничего решать, как следует. Все время советовалась с другими. Сознание как бы опустошилось. Все время думала и переживала, как это все ужасно, рисуя себе картины одну страшнее другой. Это у меня как летаргический сон наяву. Так я живу до сих пор. Я никуда не уезжала”.

IV тип – “чрезмерно активный”. Лица данного типа в условиях поступления информации о ЧАК сразу же начали бурную деятельность, малоадекватную, не всегда продуманную, носящую хаотический характер. Это тип, который в данном случае можно назвать активно-паническим. Деятельность его представителей не всегда осознанная и, как правило, не дает сколько-нибудь ощутимых положительных результатов. Служащий Ф. П.: “Мне позвонили ночью и сказали, что нужно немедленно уезжать. Информация была устрашающей, и я бросился хватать самое ценное. Собрал пару чемоданов, забыв о деньгах. Вернулся домой с вокзала, взял деньги, поменял некоторые вещи – летние на зимние. Получилось уже больше, но я опять помчался на вокзал. Только там, увидев, что люди спокойны, я вспомнил, что забыл позвонить сестре с мужем. Позвонил им. Они меня, как всегда, высмеяли. Но я купил билет в Минск. Было еще время, и я опять поехал домой – поменять вещи. Оставил зимние, взял самые необходимые летние. Позвонил теперь уже из дому нескольким знакомым. Бросил чемоданы и помчался на вокзал, тут же сдал

билет и купил новый — на Кавказ. Вскоре уехал, но в поезде немного успокоился и, разговорившись, подумал, что сделал глупость: все это разговоры, преувеличения. Зачем было ехать?! Я еще раздумывал, а потом в Днепропетровске вышел, взял обратный билет и вернулся в Киев. Когда я вернулся и начал звонить знакомым, то уже многие были обеспокоены. Я опять заметался, но билет уже достать было невозможно. Ни на поезд, ни на самолет, ни на автобус. Я развил бешеную деятельность и достал билет на самолет в Мурманск. Потом сдал, так как вылет был через десять дней. А тут успокаивающие сообщения по радио... А после десятого мая опять всплеск паники. Но билетов уже никуда достать было невозможно. На работе меня пристыдили...”.

V тип — “активно-депрессивный” (циклический). Его представители вначале очень активно реагируют на сообщения, начинают действовать, но затем сравнительно быстро впадают в противоположную крайность — бездействие, даже депрессию. “Вначале я заметалась, не зная, что делать. С кем-то советовалась, спорила с домашними, бегала к соседям, звонила на радио и телестудию, даже в милицию. Каждый говорит, что ему приходит на ум. Я приостыла. Потом опять слухи, разговоры. Я снова бросилась решать проблемы. И снова — передышка, апатия. И так все время. Как говорят, полосами”.

VI тип — “скрытая паника”. С самого начала некоторые люди реагировали на сообщение о ЧАК однозначно — “отключались”, т. е. не только не активизировали свою деятельность, не только замедляли ее, но вообще ничего не предпринимали, “застывали”. Здесь можно выделить две разновидности реагирования. Одни бездействовали, ничего особенного при этом, не испытывая, не переживая. Другие бездействовали, но при этом, очень сильно переживая случившееся — вся их активность протекала на уровне “спрятанных” психических переживаний, воображения и внешне не проявляющихся чувств. Типичный пример скрытой паники — рассуждения учительницы Е.Ш.:

“Это, наверное, был шок или что-то вроде него. Я узнала о случившемся от родителей учеников, когда пришла утром в школу после майских праздников. Они были встревожены, но как поступить с детьми не знали. Я стала думать о классе, и о своих детях, уже не школьников. И абсолютно ничего не могла сообразить, фактически ничего не предпринимала... Так было и в последующем. Многие удивлялись моему спокойствию, а я будто отупела. Может быть, это защитная реакция”.

Это тип, как нетрудно понять, существенно отличается от первого — представители первого не бездействуют, они работают, действуют по-прежнему, а представители VI типа фактически ничего не делают (“У меня все валилось из рук”, “О том, чтобы что-то делать осмысленное, в то время не могло быть и речи” и т. п.).

По приведенным свидетельствам можно установить, что наблюдался не только эффект устойчивого реагирования, но и своего рода динамика “перехода из одного типа в другой”, т. е. некоторые люди по-разному реагировали в зависимости от информации, от своего понимания ситуации, от степени своей адаптированности к условиям жизни после ЧАК и т. д.

В целом наименее многочисленными были представители первых двух типов (соответственно примерно около 9 и 3%). Далее в среднем распределение по типам было таким: III — около 17%, IV — около 20%, V — около 22%, VI — около 28%. При этом по мере удаления даты ЧАК динамика “перехода из типа в тип” отражала следующую картину: число представителей I, III, VI групп увеличивалось, IV, V — уменьшалось, II — оставалось примерно одинаковым. Имеющиеся в нашем распоряжении данные однозначно говорят о заметном снижении профессиональной и общей активности во все периоды формирования представлений о последствиях ЧАК.

Думается, что даже этот скромный анализ некоторых аспектов последствий ЧАК дает нам основания говорить о чрезвычайно серьезном влиянии случившегося не только на генетику, медицину, экономику, но и, что уж никак не менее важно, на развитие наших экологических взглядов, формирование нового постчернобыльского мышления, может быть, даже мировоззрения.

Выявление феномена непрерывной скрытой паники свидетельствует о необходимости серьезных мер не только государственного, но, наверное, и общемирового масштаба для решения этой проблемы. Этому помогут и попытка выявления типов реагирования на ЧАК, дальнейший анализ особенностей понимания и интерпретации последствий аварии, выработка своего рода постчернобыльского стиля жизни для различных регионов, в первую очередь, конечно, для пострадавших в чисто биофизиологическом плане.

Наш последний анализ доступной информации, посвященной ЧАК, говорит об остром интересе к этой проблеме; число публикаций непрерывно растет, и, пожалуй, есть даже основания сказать о “психической эпидемии”, “пандемии страха последствий Чернобыля”. К пресловутому понятию “радиофобия” сейчас уже добавляется понятие “чернобыльский психоз”. Не затрагивая нравственной стороны вопроса, мы должны отметить следующее: появление такого “психоза” означает, что дело серьезное, если для его возникновения нет или почти нет достаточных оснований. К сожалению, это не тот случай, когда можно говорить о выдуманных причинах, хотя, безусловно, и это вполне естественно, есть и своеобразная гипертрофия случившегося; какова она на самом деле, увы, можно будет судить лишь по истечении длительного времени. Здесь умозрениями и разнообразными – часто не совпадающими – мнениями специалистов и неспециалистов не обойтись.

О чрезвычайной же серьезности психологических последствий ЧАК с большой убедительностью, в частности, свидетельствует и факт недавней (26 января 1991 г.) паники в Киеве, связанной со слухами о прорыве радиоактивных вод в Днепр. Правда, на этот раз паника быстро улеглась и в основном ограничилась ночными телефонными обмена сведениями и заготовкой воды. Одновременно она продемонстрировала возросшую солидарность жителей города, рациональность их поведения как следствие определенной сформированности постчернобыльского мышления, повышения психологической готовности к экологическим бедствиям.

В связи со сказанным мне представляется логичным поставить вопрос о разработке специальной системы психологической службы по результатам ЧАК. В этом направлении кое-что уже делается, но масштабы реализованного пока что ничтожны. Необходимо вести практическую работу с населением всей Украины, всей Белоруссии, определенной части России. Наряду с действенной медицинской помощью нужна помощь именно психологическая, ее роль трудно переоценить. Ведь даже этот весьма еще поверхностный анализ позволяет говорить и о колоссальной психологической катастрофе, вызванной взрывом в Чернобыле. И здесь не надо быть оракулом, чтобы предсказать очень сильное депрессивное, морально разлагающее и обезоруживающее влияние ЧАК. Ведь сегодня мы фактически можем говорить с полным на то основанием о своего рода пандемии страха последствиях этой катастрофы. Именно поэтому мы должны немедленно организовать стационарную работу международного психологического Совета по максимальной нейтрализации психологических последствий Чернобыля, психологической дезактивации человеческого сознания. Как отметил академик АМН СССР В. А. Воробьев, “после этой аварии должно закончиться средневековое мышление человечества... происшедшее в Чернобыле показало нам масштабы возможной катастрофы. Это должно буквально переформировать наше мышление, в том числе и мышление любого человека, кем бы он ни был – рабочим или ученым. Ведь ни одна авария не бывает случайной. Значит, надо понимать, что атомный век требует такой же точности, с какой рассчитываются траектории ракет. Атомный век не может быть в чем-то только одним атомным. Очень важно понять, что сегодня люди должны знать, например, что такое Хиросима, так же хорошо, как знают они, что такое четырехтактный двигатель внутреннего сгорания. БЕЗ ЭТОГО НЕЛЬЗЯ ЖИТЬ. ХОЧЕШЬ ЖИТЬ В АТОМНОМ ВЕКЕ – СОЗДАВАЙ НОВУЮ КУЛЬТУРУ, НОВОЕ МЫШЛЕНИЕ” (выделено мной. – В. М.) [11, с. 105].

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонов В. П. Уроки Чернобыля: радиация, жизнь, здоровье. – К.: Знание, 1989.

2. *Белецкая Л.* Нам страшно... // Комсомольское знамя. – 1989. – 21 ноября.
3. *Гейл Р., Гаузер Т.* Последнее предупреждение. Наследие Чернобыля. – К.: Молодь, 1989 (на укр. яз.).
4. *Иллеш А. В., Пральников А. Е.* Репортаж из Чернобыля. Записки очевидцев. Комментарии. Размышления. – М.: Мысль, 1987.
5. Киев: пятый год после Чернобыля. Круглый стол // Київський вісник. – 1990. – 21 сентября (на укр. яз.).
6. *Ковалевская Л.* Чернобыльский дневник. – К.: Рад. письменник. 1990.
7. *Коваленко А. П., Карасюк А. А.* Чернобыль сегодня и завтра. – К.: Знание, 1988.
8. *Коваленко А., Рисованный Ю.* Чернобыль – каким его увидел мир. – К.: Молодь, 1989.
9. *Костюк Г. С.* О психологии понимания // Избранные психологические труды. – М.: Педагогика, 1988. – С. 195-228.
10. *Куркин Б.* Кто отвинчивает гайки? // Смена. – 1989. – №13. – С. 14-15.
11. *Медведев Г.* Чернобыльская тетрадь // Новый мир. – 1989. – №6. – С. 3-108.
12. *Моляко В. А.* Психология творческой деятельности. – К.: Знание, 1978.
13. Новый завет. Откровение Святого Иоанна Богослова. М./Б/Г/. 367 с. (8:10, 11). – С. 281.
14. *Одинец М.* Пароль тревоги // Правда. – 1989. – 13 сентября.
15. После Чернобыля // Наш современник. – 1990. – №1. – С. 140-167.
16. *Прангишвили А. С.* Исследования по психологии установки. – Тбилиси: Мецниереба, 1967.
17. Психология больших неприятностей // Огонек. – 1986. – №47. – С. 25.
18. *Работнов Н.* Чернобыльский психоз // Литературная газета. – 1991. – № 5.
19. *Скляр С.* Чернобыль глазами киевлянина // Дружба народов. – 1989. – №6.
20. *Флоренский П.* Чернобыльский ожог // Свет (Природа и человек). – 1990. – №10. – С. 45-46.
21. Чернобыль. Дни испытаний. Книга свидетельств. – К.: Рад. письменник, 1988.
22. Чернобыль: события и уроки. – М.: Политиздат, 1989.
23. Чернобыль – катастрофа продолжается // Москва. – 1990. – №11. – С. 138-148.
24. *Щербак Ю.* Чернобыль // Юность. – 1987. – №6. – С. 46-66; №7. – С. 33-53.